

УДК 329.17

Чемакин А.А.

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)*

ПОНЯТИЕ «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС» И ЕГО МЕСТО В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A. Chemakin

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

THE CONCEPT OF "NATIONALIST DISCOURSE" AND ITS ROLE IN THE STUDY OF CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL PARTIES

Аннотация. Этнические конфликты и проблема национальной идентичности в современной России ставят научное сообщество перед необходимостью углублённого анализа национализма. Статья посвящена понятию «националистический дискурс» в контексте изучения политических партий. Автор рассматривает подходы зарубежных и российских учёных (в особенности теории А. Миллера и В. Малахова) и предлагает свою собственную версию понимания термина «националистический дискурс». Этот концепт даёт нам возможность анализировать программы и повседневные практики политических партий.

Ключевые слова: дискурсивный подход, национализм, националистический дискурс, нациестроительство, политические партии России.

Abstract. Ethnic conflicts and the problem of national identity in contemporary Russia put the scientific community in need for in-depth analysis of nationalism. The article is devoted to the notion of nationalist discourse in the context of the study of political parties. Approaches by foreign and Russian scholars (especially A. Miller's and V. Malakhov's theories) are examined and the author's own version of the understanding of the term «nationalist discourse» is offered. This concept gives us the opportunity to analyze programs and everyday practices of political parties.

Key words: discursive approach, nationalism, nationalist discourse, nation-building, Russian political parties.

Тема национализма за последние несколько лет вышла на первый план как в СМИ, так и в социальных науках. Процессы, происходящие в нашем обществе (с одной стороны – обострение этнических конфликтов, а с другой – реформирование партийной системы) обусловили наш интерес к изучению националистической повестки в программных документах и деятельности политических партий РФ. Понятие «нации» является одним из наиболее фундаментальных, наряду со «справедливостью», «правдой», «общественным благом» и др., так что весьма важную роль играет «интерпретация данного феномена, наполнение его определённым смыслом той или иной политической партией» [5]. При изучении соотношения партийных программ и националистической идеологии сразу же возникают определённые проблемы: в частности, Б. Кагарлицкий отмечает, что существует множество течений, принципиально по-разному отвечающих на национальный вопрос «даже с точки зрения националистических парадигм, ибо в России существует не одна националистическая парадигма. Это один из парадоксов современной ситуации, что в России не сложилось единой парадигмы национализма, в отличие, скажем, от ряда западных стран, и, по существу, идёт борьба между этими парадигмами» [12, с. 7]. Этот факт показывает, что изучение проблемы без обращения к дискурсивному подходу весьма затруднительно, поэтому мы постараемся осветить вопро-

© Чемакин А.А., 2013.

сы, связанные с понятием «националистический дискурс» и его возможной ролью при изучении политических партий. К тому же объектом изучения должна быть «не только политическая платформа, официально принятая политическая программа партии, но также и выступления, высказывания, действия представителей политической партии, которые входят в общее коммуникационное поле субъекта политического взаимодействия, то есть в дискурсивное поле» [5].

В последние годы в науке возрастает значение методов, связанных с дискурс-анализом. Первое значение данного термина ведущий в мире специалист в этой сфере – нидерландский лингвист Тён ван Дейк – описывает как комплексное коммуникативное событие, которое происходит между конкретными акторами в конкретных условиях и контексте и определяется через уникальное сочетание слов, интонации, жестов, значений или действий [17, р. 194–195]. Более подходящим в нашем случае является второе определение дискурса, где термин употребляется для обозначения конкретных жанров, причём используется обычно в сочетании с прилагательным, обозначающим жанр или общественное пространство – «политический дискурс», «академический дискурс» и т.д. Таким образом, политический дискурс может быть общим обозначением для всех дискурсивных жанров, используемых в сфере политики, или дискурсов, используемых политиками. В данном случае дискурс это даже не просто определённый жанр, а скорее множество таких жанров, связанных с какой-либо общественной сферой [17, р. 196].

Политический дискурс «можно рассматривать как способ коммуникации, основанный на вербальном и невербальном обмене идеями, позициями, взглядами участников политической жизни в соответствии с их убеждениями и определёнными правилами, нормами с целью принятия политических решений» [4, с. 223]. При этом дискурс можно также представить как широкое и узкое политическое общение: «В широком смысле в фокусе дискурсивного анализа – действующие

лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.д. В этом случае к элементам дискурса относят излагаемые события, их участников, контекст. В узком смысле он является специализированным текстом, обладающим своим особенным языком» [4, с. 223]. Несмотря на фундаментальную роль дискурса в выражении и воспроизводстве идеологии, последняя не может быть сведена к дискурсу или отождествлена с ним [17, р. 317]. Понятие «дискурс» шире понятия «идеология»: любая идеология имеет дискурсивный характер, но не любой дискурс идеологичен [7, с. 122].

Мы не будем рассматривать все возможные трактовки и подробную историю термина «дискурс», так как на эту тему написано достаточно много работ, например, статья А. Ломагиной [6], а обратимся к тому, как он был воспринят в России и как может быть применён при изучении современной российской политики.

В отечественную политическую науку термин «националистический дискурс» был введён историком А. Миллером в 1997 г. на страницах журнала «Pro et Contra», в связи с чем в дальнейшем в этом же журнале состоялась дискуссия между самим Миллером, П. Канделем и В. Малаховым [10; 3; 11; 9], положившая начало двум основным трактовкам данного понятия.

Миллер определил дискурс и как отложившийся и закреплённый в языке способ упорядочивания действительности и видения мира, и как явление, которое включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретации окружающего мира, а также действия людей и институциональные формы организации общества, вытекающие из такого видения [10]. В подтверждение данных слов он приводит цитату из М. Фуко: «Задача состоит не в том – уже не в том, чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих элементов, которые отсылают к содержаниям или представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят» [13, с. 427–428; цит. по: 10]. Фуко дал понятие

и методологию, которые позволили систематизировать результаты трудов К. Дойча, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, М. Гроха. Национализм, по мнению Миллера, является оценочно нейтральным явлением, «не стоит в одном ряду с идеологиями типа либеральной или социалистической и не сводим к одному из нескольких существующих в обществе политических движений. В подавляющем большинстве случаев все политические акторы, хотят они того или нет, вынуждены вступать в борьбу за право утвердить в обществе собственное толкование нации и тем самым становятся участниками националистического дискурса. Они борются за этот идеологический и мобилизационный ресурс, дабы с его помощью достичь тех или иных, в том числе либеральных или социалистических, тоталитарных или демократических, целей» [10]. Нечто подобное пишет израильский политолог И. Брудный: «Националистическая идеология постулирует, какие политические, социальные и экономические институты лучше всего подходят для нации. Сочетание этих элементов определяет характер данной националистической идеологии; она может быть имперской или не имперской, демократической или авторитарной, либеральной или консервативной, леворадикальной или праворадикальной» [15, р. 5] (несмотря на то, что автор использует термин «идеология», в данном случае уместен и термин «дискурс»). Миллер отмечает, что основной вопрос националистического дискурса «состоит в том, какие из этих интерпретаций (национального) в тот или иной момент, в том или ином обществе, в тех или иных социальных слоях становятся доминирующими и почему» [11, с. 136]; при этом «человек, отказывающийся использовать в своих идеологических построениях категорию нации, в националистическом дискурсе не участвует» [11, с. 137].

Согласно В. Малахову, «будучи дискурсивным феноменом, национализм от этого не перестаёт быть идеологией, конкурирующей с другими идеологиями, например либерализмом и социализмом», а интерпретация Миллера «приписывает национализму все-

общность, не позволяющую осмыслять эту идеологию в одной плоскости с другими». «Националистический дискурс у Миллера – это, по сути, любой политический дискурс, участники которого пользуются терминами “нация” и “национальный интерес”. Тем самым, рамки понятия “национализм” чрезмерно расширяются, а содержание становится размытым. Националистами оказываются и либералы, и социал-демократы, и кто угодно – все политики, в лексиконе которых присутствуют понятия “национальный интерес”, “безопасность” и т.п.» [9, с. 131–132] Малахов заключает, что «национализм не метадискурс, как его представляет Миллер, а один из терминов, работающих в политическом поле дискурсов. Значит, он может и должен быть специфицирован по отношению к иным дискурсам (либералистскому, социал-демократическому, этатистскому, коммунистическому и т.д.). В противном случае всё тонет в океане “национализма”» [9, с. 132]. Сам Малахов даёт следующее определение: «националистический дискурс – аналитическая модель, которая даёт возможность сопоставить друг с другом различные идеологические конфигурации, а также проследить, из каких элементов эти конфигурации состоят» [7, с. 122–123]. Также он весьма едко замечает, что в случае Миллера «представителями националистического дискурса оказываются как Владимир Жириновский, так и Егор Гайдар» [7, с. 123].

П. Кандель также критикует Миллера, считая, что эвристическая ценность вводимой категории сомнительна: националистический дискурс – это собирательное понятие, которое «лишено качественной определённости и сильно отдаёт тавтологией, так как причисляет к национализму всё, что говорят и делают в связи, по поводу и в контексте обобщающего слова-символа *нация*, принципиально уравнивая одержимость им с безразличием, а утверждение естественности и самоценности националистических притязаний – с их опровержением» [3, с. 125]. Кроме того, это предельно расширительный термин, не определяющий сущность явлений, а лишь

обозначающий семантическое поле. Подобный подход, по мнению Канделя, «смазывает своеобразие феномена и его характерные отличительные особенности» [3, с. 125]. Также Кандель отмечает, что «подчёркивать дискурсивную природу национализма в качестве его отличительной черты нет оснований, поскольку “дискурсивны” все большие идеи: и либерализм, и консерватизм, и коммунизм, и демократия, и монархия», а «в поле воздействия каждой из них соперничают разные их толкователи – от умеренных до радикальных, в разной степени агрессивные или терпимые» [3, с. 126].

Кандель своей собственной концепции не предлагает, а только высказывает критику по поводу ценности самого понятия. Несмотря на то, что ряд его замечаний заслуживают внимания, мы не согласны с тем, что на уровне дискурса демократию и национализм можно уравнивать, например, с коммунизмом и монархией, так как первые два понятия намного шире, чем вторые, и могут быть соединены практически с любым иным дискурсом: представить себе монархиста-республиканца или коммуниста-либерала весьма затруднительно, в то время как на политической арене место может найтись и для национал-монархиста, и для национал-республиканца, и для национал-коммуниста, и для национал-либерала. Конечно, есть люди, в принципе отказывающиеся рассматривать мир в национальных категориях, но их число, на наш взгляд, намного меньше, чем число людей, в полной мере отрицающих идеи коммунизма или либерализма. В дальнейшем мы не будем обращаться к статье Канделя, сосредоточившись на концепциях Миллера и Малахова.

Сразу же отметим, что нам ближе взгляды Миллера, тем более они подкрепляются и мнениями ряда зарубежных специалистов, так что не только Миллер «приписывает национализму всеобщность». Австралийский учёный С. Дюринг отмечает, что «отказ от национализма ведёт к отказу от эффективного политического действия» [16, р. 139]. Американский социолог К. Калхун пишет, что «национализм играет решающую, хотя и нередко

оставляемую без внимания роль в современном дискурсе политической легитимности. Легитимность в этом дискурсе связана в основном с ответом на вопрос о том, насколько определенные институты правления представляют “народ” или служат его интересам; национализм — это риторика или дискурс, который используется для установления того, что именно представляет собой этот народ. Эта категориальная идентичность конструируется при помощи дискурса национализма. В этом случае вызов предположительно нелегитимным правительствам может быть брошен от имени нации» [2, с. 239–240].

Если говорить о примере Малахова с Жириновским и Гайдаром, то можно сказать, что различия между ними концепция Миллера ни в коем случае не отрицает. Во-первых, политические акторы могут или просто признавать существование феномена нации, и таким образом косвенно принадлежать к националистическому дискурсу, или активно участвовать в нём для достижения своих собственных целей (и тут Гайдар весьма сильно отличался от Жириновского). Во-вторых, националистический дискурс может занимать как центральное положение в идеологической концепции партии, так и находиться на её периферии. Критикуя Миллера за то, что он «приписывает национализму всеобщность», Малахов не обращает внимания на то, что Миллер в своей статье говорит и о разновидностях дискурса, указывая и на более узкое понимание описываемого явления: «В рамках широко понятого националистического дискурса взаимодействуют и соревнуются друг с другом самые разнообразные по степени агрессивности, ксенофобности или терпимости интерпретации нации и национальных интересов. А значит, неверно говорить о французском, русском или израильском национализме. Есть много примеров того, как в странах, которым приписывается господство “гражданского”, или “включающего” национализма (Франция, США), мощно проявляется этнический, расистский, “исключающий” национализм, и наоборот. Вопрос состоит в том, какие из этих интер-

претаций в тот или иной момент, в том или ином обществе, в тех или иных социальных слоях становятся доминирующими и почему» [10].

Представленные выше концепции вполне можно объединить, если говорить о националистическом дискурсе и его разновидностях (тогда в первом – широком – значении мы опираемся на концепцию Миллера, а во втором – узком – также признаём правоту и Малахова, который де-факто сосредоточил своё внимание на различных видах националистического дискурса).

Понятие «националистический дискурс» в предельно широком значении практически совпадает с часто используемым в обыденной жизни определением «национальный вопрос». Таким образом, изучение националистического дискурса в программных документах партий равнозначно изучению их взглядов в сфере «национального вопроса», то есть по всем вопросам, связанным с межнациональными и межэтническими отношениями (это, в том числе, проблемы «национальной идеи», национальной и этнической идентичности, границ государства и его административно-территориального устройства, иммиграции, конфликтов на этнической почве и т.д.). Понятие «националистический дискурс» очерчивает круг проблем, а конкретные разновидности националистического дискурса, в свою очередь, представляют те или иные ответы на поставленные вопросы, например, предлагают своё определение нации и её границ, а также пути выхода из сложившейся кризисной ситуации в этой сфере. Как мы говорили в самом начале статьи, в России сложилась достаточно запутанная ситуация, так как параллельно существуют несколько национальных или квазинациональных проектов, не способных достичь консенсуса даже в вопросе о наименовании нации, которая существует или должна быть построена в России. Мы полагаем, что, исходя из анализа ключевых терминов, используемых партиями (обычно это наименование нации или иного типа культурно-исторического сообщества), можно выделить 4 основ-

ные разновидности националистического дискурса: русский национализм, российский национализм, национализмы меньшинств, имперский национализм (последний представляет сразу несколько типов – советский, евразийский и т.д.) [14]. Соответственно, партии стремятся заполнить сферу националистического дискурса своими представлениями и положениями, и борьба идёт за то, чтобы какая-то одна из разновидностей националистического дискурса была принята в качестве нормативной и общепризнанной. Государственные органы в качестве базовой с 1994 г. используют концепцию российского национализма; в то же время в последние несколько лет можно видеть значительный подъём русского национализма. Таким образом, мы соглашаемся с Миллером, понимая националистический дискурс как некий феномен, стоящий над идеологиями и партиями (нам представляется, что родственным по своим свойствам понятием может быть «демократический дискурс»). Разновидности националистического дискурса находятся на более низком, локальном уровне, и здесь уже можно, вслед за Малаховым, говорить об их взаимоотношениях с либерализмом, социализмом, консерватизмом (например, «советский имперский национализм» связан с коммунистическими партиями, «русский национализм» – с либеральными и провластными и т.д.). Какой-либо из видов националистического дискурса может присутствовать в концепциях партий, не характеризующихся в качестве националистических (например, в КПРФ). Точно так же идеология партии, воспринимаемой обществом в качестве националистической, может включать в себя не только один из видов националистического дискурса, но и иные дискурсы (социалистический, либеральный и т.д.). М. Биллинг справедливо отмечает, что «национализм нельзя отождествлять с частными стратегиями правых популистских партий, потому что в этом случае имеет место недооценка влияния националистических представлений» [1, с. 40]. При этом собственно националистической партией в бытовом зна-

чении этого слова (как в том случае, когда всю оппозицию в России условно делят на левых, либералов и националистов) можно назвать лишь ту, которая ставит одну из разновидностей националистического дискурса в центр своей идеологии и программы. Так что само участие того или иного политика в националистическом дискурсе, то есть в обсуждении этнонациональной проблематики, ни в коей мере не делает его националистом, если, конечно, он не относит идею нации к числу основополагающих и побуждающих его самого к участию в политическом процессе.

Стоит отметить, что может возникнуть вопрос: а не использовать ли слово «национальный» вместо «националистический»? В принципе, у этих терминов нет двух разных объектов, оба так или иначе апеллируют к «нации». Различия могут быть только в том смысле, что слово «национальный» относится к странам, где нациогенез давно завершён и национализм становится «банальным», а «националистический» – к тем государствам, которые только идут по пути превращения в национальные, указывая на активную стадию построения нации. Россия, несомненно, принадлежит ко второму типу, и термин «националистический дискурс» наиболее адекватно отражает актуальные процессы.

Таким образом, перед тем, как приступить к анализу идеологических построений какой-либо конкретной партии в сфере «национального вопроса», необходимо очертить круг проблем, относящихся к националистическому дискурсу (имя нации и источник её исторической легитимности, границы, миграция и т.д.), определить существующие в обществе разновидности националистического дискурса (русский, российский и т.д.; варианты классификации могут быть и отличными от нашей). Изучение эмпирического материала позволит определить, какой из видов националистического дискурса доминирует в программе и действиях той или иной партии, а также с какими другими дискурсами он сочетается (опять же, процесс может быть и обратным: изучение фактов может привести к выявлению новой разновидности национа-

листического дискурса). Всё это даст возможность более подробно выяснить то, из каких составляющих формируются программа и повседневные практики изучаемой партии, а также, рассматривая изменения на уровне дискурса, оценить вероятные варианты идеологической трансформации партии в будущем. Отметим, что подобный подход может быть применён при изучении националистического дискурса не только касательно партий, но и СМИ, органов власти и т.д. Завершить же статью можно следующими словами Малахова, с которыми мы на этот раз полностью согласны: «Аналитическое расчленение этих конфигураций (в данном случае он имеет в виду идеологические гибриды, например, либеральный или консервативный национализм. – А.Ч.), исследование элементов, из которых они состоят, связей этих элементов друг с другом, а также факторов, определяющих изменение характера таких связей, имеет немалое значение для работы практикующих политологов» [8].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биллинг М. Повседневное напоминание о Родине // Логос. – 2007. – № 1. – С. 34–71.
2. Калхун К. Национализм. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
3. Кандель П.Е. О национализме «с человеческим лицом» // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3. – № 3. – С. 124–135.
4. Кузьмин П.В. Дискурс как способ политической деятельности // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия «Филология». – 2006. – Том 19 (58). – № 2. – С. 222–227.
5. Кутузова А.А. Роль и место дискурс-анализа в изучении спектра политических партий России // «Социология, политология, философия и история: современные тенденции развития»: материалы международной заочной научно-практической конференции (17 октября 2012 г.). – Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. – С. 33–36 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4371-2012-10-25-09-54-42> (дата обращения 03.10.2013).
6. Ломагина А.В. Проблема националистического дискурса в современной социологической науке // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 3. – С. 160–166.

7. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. – М.: КДУ, 2010. – 318 с.
8. Малахов В.С. Национализм как предмет политико-философского исследования. Дис... докт. полит. наук. – М., 2003. – 228 с. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.dissercat.com/content/natsionalizm-kak-predmet-politiko-filosofskogo-issledovaniya> (дата обращения 03.10.2013).
9. Малахов В.С. О националистическом дискурсе // Pro et Contra. – 1999. – Т. 9. – № 2. – С. 129–132.
10. Миллер А.И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 4. – С. 141–151. [Электронный ресурс]. – URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm (дата обращения 03.10.2013).
11. Миллер А.И. Письмо в редакцию // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3. – № 3. – С. 136–138.
12. Русские националисты и легальное партстроительство: шансы на успех. Экспертный опрос // Вопросы национализма. – 2012. – № 10. – С. 6–13.
13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: «Касталь», 1996. – 448 с.
14. Чемакин А.А. Проблема классификации разновидностей националистического дискурса в российском партийном пространстве // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2013. – № 161. – С. 151–161.
15. Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953 – 1991. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. – 364 p.
16. During S. Literature — Nationalism's other? The case for revision // Nation and Narration. – London; New York: Routledge, 1990. – P. 138 – 153.
17. Van Dijk T. Ideology. A Multidisciplinary Approach. – London: SAGE Publications Ltd., 1998. – 384 p.